

О ПЕРЕХОДЕ ОТ «ОТКРЫТЫХ ПИСЕМ СОВЕТСКИМ ПИСАТЕЛЯМ» К «ЧЕТВЕРТОЙ ПРОЗЕ»

Ксения Уварова
(Москва)

«Четвертая проза» писалась в декабре 1929 – начале 1930 г., но более тридцати лет оставалась неопубликованной. Толчком к ее написанию послужили события биографии Мандельштама 1928–1929 гг. Как известно, поэт в это время был очень «озлоблен». Э. Г. Герштейн, например, вспоминала:

Осип Эмильевич в ту пору жил под знаком «выхода из литературы». Он не хотел быть писателем. Он не считал себя писателем. Он ненавидел письменный стол. Он небрежно обращался с ненужными ему книгами: перегибал, рвал, употреблял, как говорится, «на обертку селедок».

На домашнем языке это называлось «растоптать Москву». За то, что она считала Мандельштама «бывшим» поэтом, за то, что проза его не была «реалистичной», а статьи были непонятны. И еще за то, что конфликт с А. Г. Горнфельдом лишил Мандельштама налаживающейся было переводческой работы [Герштейн].

В корне конфликта Мандельштама и Горнфельда лежали «авторские права» на публикацию перевода книги Ш. де Костера «Тиль Уленшпигель»: издательство ЗИФ выпустило книгу «“в переводе”, как это было обозначено в книге по ошибке редакции, О. Мандельштама. На самом деле М. выступал в этом издании в роли редактора, используя два перевода — А. Г. Горнфельда и В. Н. Карякина» [Мец: 692]. Ошибка была исправлена, но это не удовлетворило обиженных переводчиков. Горнфельд опубликовал несколько статей, направленных против Мандельштама, — поэт ответил ему тем же. «“Дело” (как называет эту историю М. в “Четвертой прозе”) вспыхнуло с новой силой после публикации в “Литературной газете” фельетона Д. И. Заславского “О скромном плагиате и развязной халтуре” (1929, 7 мая)» [Там же: 692–693]; позже Заславский написал еще один фельетон «Жучки и

негры» («Правда», 1929, 5 июля). «В тот же период времени выступления Заславского и протесты против них рассматривались ФОСП¹ на нескольких заседаниях конфликтной комиссии вплоть до декабря 1929 г.» [Мец: 693].

Конфликт Мандельштама и Горнфельда возник из-за публикации и в публикациях же фиксировался. Противостояние с Заславским также велось на страницах газет. Для воссоздания более ясной картины событий 1929 г. следует рассмотреть еще несколько текстов.

В июне Мандельштам написал открытое письмо ленинградским писателям с призывом сместить редакцию «Литературной газеты», и в нем уже улавливаются черты сходства с «Четвертой прозой».

Вольно или невольно Мандельштам уходит от официального стиля, которого старался придерживаться в деловых письмах. Интонация текста становится более эмоциональной. Это выражается, например, в графическом выделении определенных сегментов текста:

Я требую —
вырвать «Литгазету» из рук захватчиков, которые прикрываются
ВАШИМИ
ИМЕНАМИ [Мандельштам: 122].

Кроме того, деловое письмо начинает обрастать яркими образами: «шемякин суд»; ФОСП — «бюрократический застенок, где издеваются над честью писателя» (в более позднем открытом письме Мандельштам почти дословно повторяет эту фразу: «застенок, где безнаказанно шельмуют работу и честь писателя»). Некоторые образы, возникающие в этом письме, позже перекочуют в «Четвертую прозу». Среди них — мотив казни, «собачьи» образы («Снимите с меня эту собачью медаль»).

«Литгазета», по словам Мандельштама, казнила его «пером *клейменного клеветника, шулера, шантажиста*», — и этот перечень определен скорее звукописью, чем действительными обвинениями.

Мандельштам использует и другой прием, ненужный и невозможный в официальном заявлении: «Я призываю вас немедленно

---

¹ Федерация объединений советских писателей.

телеграфно объявить недоверие, резкое осуждение редакции «Литгазеты»», а затем «телеграфно» же продолжает: «Я требую следствия. Меня затравили как зверя. Слова здесь бессильны. Надо действовать».

Заканчивает Мандельштам словами, в которых прослеживается звукопись: «Я жму руку вам всем. Я жду».

Важно отметить, что сочетание советской публичной речи и яркой образности является одной из главных стилистических особенностей «Четвертой прозы». Эта особенность берет свое начало в тех официальных и полуофициальных документах, которые Мандельштам писал в процессе «Уленшпигелевского дела».

В письме отчетлива фигура адресата. В читателях «Вечерней Москвы» и «Литературной газеты» Мандельштам видел лишь, по его словам, слушателей, «мещан». Обращаясь к писателям, Мандельштам требует от них гораздо большего: действия, братской защиты. Он говорит с ними как с равными и надеется на их помощь. Однако уже в этом письме ощущается раздвоение адресата: писатели — одновременно те, чьей защиты требует поэт, и те, от кого необходимо защищаться. Пока еще писатели как будто не причастны к преступлению, но их именами «прикрываются» настоящие злодеи, — и Мандельштам требует справедливости.

Поэт в этом письме — фигура, типичная для советской печати: он обличает неких «захватчиков» и «требует вырвать» газету из их рук.

Своей цели письмо Мандельштама не достигло: редакция «Литературной газеты» сохранила свои позиции, а разбирательство в конфликтной комиссии ФОСП продолжилось. Закончилось оно лишь в декабре 1929 г. — на решение комиссии поэт снова отреагировал открытым письмом.

Оно не было завершено, но сохранились два черновика. В первом письме (оно озаглавлено в собрании сочинений «Советским писателям») также «двоится» адресат, как и в предыдущем. С одной стороны, Мандельштам пишет: «...если бы вы потрудились меня запросить, вы бы узнали...» [Мандельштам: 125], — то есть говорит о тех, кто не знаком с конфликтом, с другой — «Федерация писателей, то есть вы сами». Но «раздвоение» длится недолго: Мандельштам объединяет всех писателей и противопоставляет себя им. «Пятнадцать писателей» оказываются прикнучившимися к тому братству, вход в которое закрыт для поэта.

Вся предыдущая писательская деятельность и жизнь Мандельштама называются «недоразумением».

Второй текст — «Открытое письмо светским писателям» — гораздо более пространный, но также не законченный. Стилистическая и эмоциональная окраска письма уже очень близка к «Четвертой прозе». Е. А. Тоддес, связывая «Четвертую прозу» со стихотворением «Мы живем под собою, не чуя страны...», писал, что оба эти произведения — «инвектива, облеченная в гротеск» и что «конкретная лексико-фразеологическая установка — на просторечие и бранную экспрессию — также действовала в “Четвертой прозе”» [Тоддес: 200]. Эта же установка действовала и в письме советским писателям, но она не была исключительно авторской. Грубость была одним из характерных признаков публичной речи в 1920-х гг. В 1928 г. Афанасий Матвеевич Селищев выпустил книгу «Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917–1926)», где писал о склонности «коммунистических деятелей к крепким словам и выражениям» [Чудакова: 150], а также приводил примеры из речей Ленина, где тот поносит своего противника: «Фантазия сладенького дурачка Каутского», «Каутский с ученостью ученышеского кабинетного дурака...»; «перлы ренегатства у подлого ренегата Каутского»; «Выжившая из ума социал-демократическая пифия Каутский». Ср. из «Четвертой прозы»: «молочный вегетарианец — филолог с головенкой китайца — этакий ходя — хао-хао, шанго-шанго — когда рубят головы, из той породы, что на цыпочках ходят по кровавой советской земле, некий Митька Благой — лицейская сволочь, разрешенная большевиками для пользы науки» и «паралитический Дантес, этот дядя Моня с Бассейной» ссылка!. Это наблюдение подтверждается пассажем из финала 8-ой главки, который не сохранился ни в одном из списков «Четвертой прозы», но был воспроизведен А. А. Морозовым: «Кто же, братишки, по-вашему, большой филолог: Сталин, который проводит генеральную линию, большевики, которые друг друга мучают из-за каждой буквочки, заставляют отрекаться до десятых петухов, — или Митька Благой с веревкой? По-моему — Сталин. По-моему — Ленин. Я люблю их язык. Он мой язык» [Мандельштам 2009: 696–697].

В работе «Язык распавшейся цивилизации» М. О. Чудакова выделяет девять процессов, получивших развитие в сфере пуб-

личной речи в 1920-х – начале 1930-х гг., среди них: рост пейоративных значений слов, формирование реестра ключевых слов, дихотомизация ряда понятий и т. д. Все эти признаки, кажется, не характерны для текстов Мандельштама, за исключением одного: «Резкое увеличение удельного веса в публичной речи слов (эпитетов), передающих *градацию*, причем с ростом мегаломании в этих градуирующих эпитетах: *неслыханный...*» [Чудакова: 160]. В письме Мандельштама советским писателям этот признак проявляется очень явно: «она запятнала себя *гнуснейшим* преследованием писателя, использовав для этой цели *неслыханные* средства» [Мандельштам: 125] и т. п.

Принципиальная разница между «Четвертой прозой» и этими черновиками в том, что «Четвертая проза» не была обращена к широкой публике — в отличие от открытых писем. Однако эти тексты имеют много общих черт, которые позволяют проследить изменения в позиции и мироощущении Мандельштама, а также в замысле текста.

В неотправленных открытых письмах прорываются те эмоции, которые вызваны ощущением предательства. В «Четвертой прозе» Мандельштам сокрушается о предательстве — предательстве «высокого звания иудея» (Горнфельд и другие), высокого звания писателя и высокого идеала социализма. И последние две темы воплощаются уже в открытых письмах.

Конфликт с Горнфельдом переродился в противостояние со всем, по выражению Мандельштама, «организованным писательством» СССР: «Я не принадлежу ни к одному из литературных объединений и не вхожу формально в ФОСП. Я никогда не прибежал к органам Федерации с просьбой рассудить меня с кем-либо и не давал никакого согласия на разбирательство моих гражданских дел в конфликтных комиссиях ФОСПа» [Там же: 126]. Здесь Мандельштам пытается объяснить, почему «дело об Уленшпигеле» вообще не должно было рассматриваться конфликтной комиссией ФОСП, но этот пассаж очевидным образом переключается с первым абзацем шестой главки «Четвертой прозы»: «У меня нет рукописей, нет записных книжек, нет архива. У меня нет почерка, потому что я никогда не пишу. Я один в России работаю с голоса, а кругом густопсовая сволочь пишет. Какой я к черту писатель! Пошли вон, дураки!» [Там же: 171]. В «Четвертой прозе» Мандельштам уже отказывается от самого звания пи-

сателя — ниже в письме речь пойдет об этом же отказе: «Я ухожу из Федерации Советских писателей, я запрещаю себе отныне быть писателем, потому что я морально ответственен за то, что делаете вы», «Поведение всех моих товарищей — советских писателей — которые, скрестив руки, готовились к интересному зрелищу — как Мандельштам будет изворачиваться перед Федерацией по обвинению в краже и мошенничестве — и пальцем не шевельнули, чтобы предотвратить эту гнусную комедию, я считаю полным основанием для разрыва со всеми вами». Здесь Мандельштам уже прямо обвиняет всех советских писателей в «гнуснейшем преследовании», «литературном убийстве» и т. д. Обращаясь к писателям, Мандельштам уже не говорит, что кто-то «прикрывается их именами», а, напротив, обвиняет каждого из них. Так же, как раньше, требуя их братской защиты, Мандельштам объединял их в одну дружественную себе группу, теперь он обвиняет всех разом. Кроме отмежевания от писательской группы, в письме есть еще ряд мотивов, перекликающихся с «Четвертой прозой».

**«Открытое письмо
советским писателям»**

1. А) Разбойное нападение среди бела дня на страницах «Литгазеты»

Б) Двадцать лет работы не застраховали меня от нападения организованного писательства.

2. Стенографистки не было, в протокол не занесено, но свидетели были, были...

3. И тогда неизменно мне представится одна картина — Заславский, Горнфельд и Канатчиков, склоненные над красным комочком — над сердцем Уленшпигеля — и над моим, писатели, сердцем.

«Четвертая проза»

1. In mezzo del cammin del nostra vita — на середине жизненной дороги я был остановлен в дремучем советском лесу разбойниками.

2. Нет, уж позвольте мне судиться! Уж разрешите мне занести в протокол. Дайте мне, так сказать, приобщить себя к делу! Не отнимайте у меня, убедительно вас прошу, моего процесса!

3. Я очень рад, что мой убийца жив и что он в некотором роде меня пережил. Я кормлю его сахаром и с удовольствием слушаю, как он твердит из «Уленшпигеля»: «Пепел стучит в мое сердце», перемежая эту фразу с другой, не менее красивой: «Нет на свете

4. Если собрать все, что я вам писал за эти месяцы, то получится настоящая книга — убийственная, позорная для нас всех. В историю советской литературы вы вписали главу, которая пахнет трупным разложением.

5. Радуйтесь, советские писатели, Мандельштам не только литературный вор и плагиатор, но также маклер, жучок, посредник, ловкий проныра, затачивший к себе в трущобу Горнфельда и Карякина.

мук сильнее муки слова». Человек, способный назвать свою книгу «Муки слова», рожден с каиновой печатью литературного убийцы на лбу.

4. Уважаемые романес с Тверского бульвара! Мы с вами вместе написали роман, который вам даже не снился.

5. Мне и самому любопытно подчас, что это я все не так делаю: что это за фрукт такой, этот Мандельштам, который столько-то лет должен что-то такое сделать и все, подлец, изворачивается? Долго ли еще он будет изворачиваться?

6. Я виноват, двух мнений здесь быть не может. Из виноватости не вылезаю. В неоплатности живу. Изворачиваньем спасаюсь. Долго ли мне еще изворачиваться?

В письме советским писателям есть и темы, не пересекающиеся с «Четвертой прозой», главная из них — тема работы переводчика. Мандельштам здесь снова говорит на «производственном языке» и требует к себе отношения как к честному работнику: «Я, дорогие товарищи, не ангел в ризах, накрахмаленных Львовым-Рогачевским, но труженик, чернорабочий слова, переводчик. Какие там к черту ризы!² Я чернорабочий, я издательский негр». Здесь стоит отметить слово «негр», отсылающее к фельетону Заславского «Жучки и негры», который послужил одним из поводов к судебному разбирательству.

Ключевым отличием «Четвертой прозой» от «Письма советским писателям» является установка на публикацию. «Четвертая проза» не публична, «Письмо...» же подразумевало публикацию

² Ср.: «Какой я к черту писатель!» из «Четвертой прозы».

и выраженного адресата. «Письмо...» стало бы очередной репликой в «деле Уленшпигеля», тогда как «Четвертая проза» стала точкой в этом эпизоде жизни Мандельштама.

ЛИТЕРАТУРА

- Герштейн: *Герштейн Э. Г.* Мемуары // Интернет-библиотека Либрусек [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://lib.rus.ec/b/203079/read> (Дата просмотра: 13.06.2012).
- Мандельштам: *Мандельштам О. Э.* Собрание сочинений: В 4 т. М., 1999. Т. 4.
- Мандельштам 2009: *Мандельштам О. Э.* Полное собрание сочинений и писем: В 3 т. М., 2009–2011.
- Мец: *Мец А. Г.* Комментарии к «Четвертой прозе» // Мандельштам О. Э. Полн. собр. соч. и писем: В 3 т. М., 2009–2011.
- Тоддес: *Тоддес Е. А.* Антисталинское стихотворение Мандельштама (к 60-летию текста) // Тыняновский сборник: Пятое Тыняновские чтения. Рига, 1994.
- Чудакова: *Чудакова М. О.* Язык распавшейся цивилизации // Чудакова М. О. Новые работы: 2003–2006. М., 2007.